

ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ПРАВА НЕОКАНТИАНСТВА

© 2013 г. Елизавета Александровна Фролова¹

Краткая аннотация: в статье рассматриваются проблемы права и морали с точки зрения неокантианской философии права. Излагается понимание моральных и юридических законов в учении Канта и его последователей, показываются отличия этических и юридических обязанностей.

Annotation: the article deals the problem of law and morality in terms of neo-Kantian philosophy of law. Presents an understanding of the moral and legal codes in the teachings of Kant and his followers, showing differences in the ethical and legal responsibilities.

Ключевые слова: философия права, И. Кант, неокантианство, право, мораль, В.А. Савальский.

Key words: philosophy of law, I. Kant, Kantianism, law, morality, V.A. Saval'skiy.

Большой вклад в исследование вопроса соотношения права и морали внес Кант, отстаивавший ценность человеческой личности. Общественные связи лиц и нравственная необходимость согласовывать свои действия с поведением и интересами других членов общества выражаются в первой формуле его категорического императива: “Поступай только согласно такой максиме (правилу поведения. – Е.Ф.), руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом... Поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли, должна была стать всеобщим законом природы”². Немецкий мыслитель утверждал, что учение о нравственности традиционно именуют учением об обязанностях. Это происходит в силу того, что моральный закон предписывает должное поведение (обязанность), исходя из которого выводится понятие о правах³. Кант полагал, что нравственная оценка не зависима от научно-детерминистского познания: научные представления о законах развития общества и вероятные гипотезы о будущем не имеют никакого отношения к источнику нравственных обязанностей моральный долг может заставить личность идти против вероятного или очевидного естественного хода событий.

Классический ответ на вопрос: каким образом этические обязанности могут стать юридическими, дает учение о праве и морали И. Канта.

В его теории различается понятие “моральности” (долг ради долга) и “легальности” (учитываются мотивы поведения). С точки зрения философии Канта все законы моральные, однако законы разума имеют чисто внутренний характер, а законы юридические содержат внешнюю мотивацию и, соответственно, обладают внешним характером. Общим у моральных и юридических законов являются источник (разум человека) и идея обязанности.

Этические предписания касаются как внешних, так и внутренних обязанностей. Как те, так и другие могут выполняться по идее чистого долга. Поэтому этические законы включают более широкий круг предписаний, чем юридические: кроме собственно этических они предписывают и юридические императивы.

Внешние юридические обязанности приравниваются к нравственным, поскольку они могут выполняться помимо принуждения, из одного уважения к закону. Кант проводил деление этических обязанностей на прямые и косвенные (например, договор и акты благожелательства). Однако, если всякая обязанность независимо от источника своего происхождения может стать предметом этических велений, это противоречит идее автономии воли как коренному условию нравственности. Возникал вопрос: каким образом нравственность может брать под свою охрану предписания, имеющие происхождение исключительно в законодательном произволе? Ответом был следующий тезис: во внешних результатах право и мораль могут совпадать; они различаются только мотивами обязательности (нравственность предполагает чистый долг, право внешний принудительный мотив).

Высшим требованием морали является нравственная автономия. Основной принцип права свобода личности. Кант и его школа ставили задачу определения нравственной основы права. Но как подвести под этику конкретные юридические правомочия – это различные сферы разума? Кант признавал, что практический разум не запрещает таких проявлений; таким образом устанавливался дозволительный для разума закон, содержащий в себе только отрицательные определения.

Тем не менее, возникали другие теоретические вопросы. В чем же выражается моральная основа права? Где уверенность в том, что правовая свобода имеет нравственное предназначение – служить преддверием к моральному совершенствованию?

Целью учения Канта было формальное определение нравственной воли и понятия права; содержательного разграничения права и морали он не производил, полагая, что право вообще – это “возможность принуждения”.

¹ Доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

² Кант И. Соч. В 6-ти т. Т. 4. Ч. 1. М., 1963. С. 260, 261.

³ См.: там же. С. 149. На это различие обращали внимание многие юристы. Известный государствовед и социолог права Н.М. Коркунов писал: “Из нравственных норм выводится только безусловный нравственный долг, из юридических – обусловленные друг другом право и обязанность” (см.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права и государства (По 9-му изд. СПб., 1914). СПб., 2003. С. 61).

Кант следовал методу нормативного формализма⁴. Согласно нормативному характеру морали оценка должного поведения проистекает из самой нормы и не зависит от чьей-либо воли (своей или внешней). В связи с этим основой морального поведения личности этика считает совесть, чувство долга и ответственности перед собой, другими лицами, обществом в целом.

Неокантианцы стремились наполнить понятия права и морали содержательным моментом, поэтому в их учениях возникали проблемы соотношения “общественного” (теоретического разума) и “идеала” (понятие практического разума), их возможно воплощения в реальной действительности.

Ценностное понимание личности (самодостаточность), с одной стороны, и связанность членов общества – с другой, проявились во второй формуле категорического императива Канта: “Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству”⁵. Часто в литературе подчеркивается аксиологический характер системы Канта ссылкой на это положение его философии, но остается в стороне мысль о необходимости достойного поведения самого лица: веди себя так, чтобы в тебе могли видеть эту “цель”. В основе поведения личности лежит свободная воля, позволяющая человеку делать необходимый выбор. Все люди разные, и уважение к проявлениям индивидуальности каждого лица предопределило формальный характер выражений категорического императива. Кант настаивал, что никто (ни другие лица, ни государство) не может принуждать человека быть счастливым по какому-либо известному им образцу. В этом требовании немецкого мыслителя заключается понимание свободы в условиях правового государства⁶. Каждый человек вправе искать счастье на том пути, который он для себя выбрал (благодаря своей свободной воле), с единственным ограничением – если только он не наносит этим ущерба свободе других лиц. Поэтому – “отеческое правление”, при котором подданные, как дети, не способны решать, что для них хорошо, что плохо, и принуждаются к пассивному состоянию ожидания от главы государства рецепта надлежащего для них поведения. Такое правление есть “величайший деспотизм”. При этом режиме правитель должен разъяснить своим подвластным, как именно надлежит им быть счастливыми, – этим уничтожается всякая свобода и права граждан.

Одной из задач этики Канта было показать долженствование в чистой форме, т.е. отделить поведение от субъективных предположений о желаниях других лиц, от собственных

интересов, сиюминутных настроений и т.п. Человек должен поступать нравственно независимо ни от каких причин, руководствуясь только принципом долга. В этом состоит суть нравственного долженствования как мотива морального поведения.

Последователи его философии считали необходимым приблизить такой формальный подход к действительной жизни. Поиск всеобщего закона неизбежно приводит к выделению только одной формы воления. В этом отношении “формализм” неустрашим и вполне оправдан. Но, как объясняли неокантианцы, Кант ошибочно превратил теоретическую формулу категорического императива в единственно нравственный мотив. Г. Еллинек в работе “Социально-этическое значение права, неправды и наказания” замечал: “То, чего должна прежде всего требовать от человека общественная мораль, это – определенный способ внешнего отношения к другим людям, индивид должен выразить самого себя вовне”. Еллинек развивал категорический императив Канта и создал теорию социальной этики. “Если ты желаешь существования общества и его развития, ты должен поступать так, чтобы твой образ действий способствовал сохранению и благосостоянию общества”. Это гипотетическое положение может быть обращено в категорическое предписание, которое гласит: “Действуй так, чтобы твой образ действий поддерживал общество и содействовал ему”. Еллинек стремился показать материальную сторону этической области (что именно является нравственным). При этом он исследовал проявления воли индивида во внешнем мире. Отсюда обоснование им теории социальной этики и права как “этического минимума”⁷.

Р. Штаммлер, известный философ права Марбургской школы неокантианства, выделял понятия нравственного и социального воления. Сущность права, по его убеждению, подчинена закономерностям человеческого воления, т.е. безусловному одинаковому способу оценки содержания целей. Право он относит не к сфере причинно-следственных отношений, а к закономерности целей (как единому, конечному, безусловно возможному методу для суждения и определения человеческого воления). Штаммлер считал, что должна быть идея свободного по содержанию воления – это и есть закономерность целей. Нравственное воление – внутренняя жизнь отдельного человека сама по себе. Социальное воление – упорядоченный строй, связующий множество людей в общем преследовании социальной цели. И нравственное, и социальное воления должны быть объективно справедливыми. Отсюда, по учению Штаммлера, возникает необходимость поиска справедливого права и его концепция естественного права с изменяющимся содержанием⁸.

Осознание внутреннего морального закона – это основа индивидуализма, который, по мнению теоретиков неокантианства, затрудняет переход к “объективной” этике, к общению людей друг с другом. Идея самозаконности личности, по Канту, не дает полноценного представления о действительной связи людей в обществе, учитывающей их различия и способы общения в интересах целого. Последнее у Канта подразумевается и требуется категорическим императивом, но недостаточно обоснованно. Мораль должна стать осуществляющимся законом жизни, поэтому основной метод “восполнения” учения Канта – это осуществление должного

⁴ Кантовский автономный субъект противостоит сущему, сознает должное, стремится подчинить действительность идее, которой мир неадекватен, почему и подлежит вечному совершенствованию. Однако конкретного идеала Кант не дает. Гегелевский объективный дух поглощает личность; гармония целого превьше всего; все, что нарушает всеобщность, неправомерно, недействительно. Подлинная моральность – это творимая “духом народа” конкретно-историческая совокупность нравов и законов. Действительное разумно, идеал действителен и конкретен; понять мир – значит примириться с ним и жить в гармонии со “средой”, осознавая свое место. Всякий правовой идеал должен быть конкретным и национальным.

⁵ Кант И. Указ. соч. С. 270.

⁶ Свобода члена общества как человека состоит в том, что “никто не может принудить меня быть счастливым так, как он хочет (так, как он представляет себе благополучие других людей)” (Кант И. О поговорке: “Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики” // В кн.: Кант Иммануил. Соч. на нем. и рус. яз. М., 1994. С. 285).

⁷ О социальной этике и требованиях общественной морали см.: Еллинек Г. Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М., 1910. С. 17–32, 48–63 и др.

⁸ См.: Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 54–57, 85–90 и др.

перехода от формальной этики к теории права и государства и философии права, раскрытие связи между обществом и личностью.

Различия морального закона и законов природы было предметно показано в учении сторонника Марбургской школы В.А. Савальского. Основываясь на учении Г. Когена, он отличал право и нравственность от естественных законов и от природы вообще по следующим основаниям. Нормы не являются суждениями, поскольку последние имеют характер описаний процессов природы. Во-первых, право не описывает отношения и учреждения. Право – это совокупность требований, влекущих за собой юридические последствия. Во-вторых, нормы не обуславливают законы природы. Юридическая норма упорядочивает общественные отношения – этот процесс качественным образом отличается от отношений по правилам причинности. В праве отношения выстраиваются не в соответствии с правилами причинности, а в зависимости от правил субъекта, поэтому необходимость правила юридической нормы имеет значение всеобщности. Сущность правовой нормы состоит в том, что ее содержание охватывает все единичные случаи. Из этого проистекает основоположение права: “закон не знает пробелов” (что и означает всеобщее значение нормы права). В-третьих, закон причинности ничего не теряет в своем содержании, если он приложим только к отдельному случаю; юридические нормы носят общий характер⁹. В-четвертых, законы природы касаются определения условий для обусловленного явления и, следовательно, всегда констатируют отношения прошлого; правовая норма как совокупность требований, направленных на действия людей, которые только еще должны совершиться, всегда обращены в будущее.

В.А. Савальский различал этический и юридический субъекты. Для соотношения этих категорий он предложил выделить в критической философии три способа, с помощью которых возможно рассматривать отличия этики и юриспруденции.

Отношение морали и права необходимо выразить как:

трансцендентное (рассматривает мораль и право вне зависимости друг от друга и влияния: где одно, там нет другого; мораль и право не имеют никаких точек соприкосновения и даже исключают друг друга)¹⁰;

имманентное (происходит отождествление права и морали: право становится нравственностью, этика переходит в юриспруденцию, высшим критерием морали является положительный закон);

трансцендентальное (юридический субъект является субъектом правового общения в рамках юридического позитивизма, т.е. реализованным субъектом; этический субъект предстает как идея, как конечная цель, следовательно, он не

реализован. При этом юридический субъект (правовое общение) относится к реализации не естественного процесса природы, а к области этики. Поэтому возможны естественное право как идея, критика положительного права, правовое государство и др.).

С точки зрения научного идеализма таким образом выглядит соотношение этики и юриспруденции. В.А. Савальский (следуя Г. Когену) разделяет трансцендентальный способ сопоставления права и морали¹¹. При этом отечественный философ права подразумевает под правом не только официальное право, но и конвенциональные нормы, содержащиеся в нравах, в общении людей (нормы обычая, правила приличия, этикета и др.).

Большое внимание в неокантианской философии уделялось идее безусловного, которая рассматривалась в теоретическом и практическом значениях. Сторонники критической философии доказывали, что идея безусловного важна не только в умозрении, но и для эмпирической области, особенно – для практической сферы. Один из основоположников Марбургской школы неокантианства П. Наторп отмечал, что, если в теоретической области идея безусловного имеет только критическое значение, то в практической сфере она обнаруживает притязание на положительную ценность: нравственно доброе мыслится как безусловно должное¹². С точки зрения критического идеализма утверждалось, что любая истина должна и может быть обоснована исключительно в присущих самому познанию понятиях. Следовательно, чисто теоретическое значение эмпирических (опытных) законов и практическое значение идеи безусловного должны обосновываться, исходя из последнего закона познающего сознания. Этим же законом снимается противоречие между обоими родами познания (теоретическим и практическим разумом), так как практический закон выходит за пределы ограниченного человеческого опыта.

Таким образом, критическое обоснование практической философии (этики) представляет собой необходимое дополнение к критической теории познания.

Этика как теория нравственности включает в себя разделы: “чистую” и “конкретную”.

Нравственность представляет собой закономерность волевых поступков, с точки зрения которой мы оцениваем, что является безусловно хорошим (то, что безусловно должно быть) и, наоборот, чего безусловно не должно быть¹³. Нравственное имеет ценность само по себе, независимо от какой-либо другой, даже самой благой, цели (Кант). Поэтому познать нравственность возможно не в эмпирическом мире, а только практическим разумом – закон добра не может основываться на принуждении внешней по отношению к

⁹ В римском праве считалось пороком наличие закона на специальный случай. Специальный и на один случай закон искажает правовой характер закона, обнаруживая его тенденциозность (см.: Савальский В.А. Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др. Т. 1. М., 1909. С. 306).

¹⁰ С этих позиций следует доказать, что реформы в праве и государстве имеют только технический характер, а не моральное значение, что нельзя говорить о нравственном и безнравственном праве, что идея естественного права вообще *non sens*. Особенностью этого подхода является то, что к нему примыкают не только те, кто, основываясь на эмпиризме и позитивизме, отрицает возможность научной этики, но и те, кто отмечает высоту моральных требований: этическая жизнь протекает вне правового общения (см.: там же. С. 321).

¹¹ Выступая за трансцендентальность, В.А. Савальский критикует терминологию П.И. Новгородцева, который признает дуализм государства и личности, понимая под личностью этическое значение (совокупность нравственных требований, стоящих над правом и государством, даже “вне права и вне юридического анализа”). Одновременно Новгородцев утверждает, что государство призвано охранять “живую человеческую личность”, “беречь в каждом отдельном лице человека и гражданина”. Получается, справедливо замечал Савальский, что личность уже не трансцендентна, а имманентна праву и государству, так как государством создается (см.: там же. С. 74, 75, 320–322, 410, 527, 528, 535).

¹² См.: Наторп П. Философская пропедевтика. Общее введение в философию и основные начала логики, этики и психологии // В кн.: Наторп П. Избр. работы. М., 2006. С. 83.

¹³ См. об этом подробнее: там же. С. 85.

воле власти (гетерономной воле), но должен иметь источник в собственном внутреннем законе (автономной воле).

Спор о принципах в области этики сводится к противоречиям этического позитивизма и идеализма. Позитивизм в этической области опирается на непосредственные факты, которые определяют волю и интересы человека. Согласно этическому позитивизму нравственные нормы проявляются через многообразные и борющиеся между собой интересы, действующие на уровне отдельных индивидов и проявляющиеся в социуме.

Нравственные нормы, следовательно, являются общественным продуктом: они возникают в силу того, что общие интересы (в представлении большинства членов общества) принимают форму заповедей и укрепляются благодаря системе воспитания, общественного мнения, законодательства и таким образом не только определяют внешнее поведение людей, но и делаются их собственными убеждениями¹⁴.

Представители этического идеализма придерживаются концептуально иного мнения: добро является добром само по себе и остается неизменным по своему существу независимо от внешних факторов и обстоятельств (именно так понимается этический идеализм в системе Канта). Идею добра, по учению Канта, нельзя получить из какого-либо эмпирического факта: чистое добро мыслится как нечто, имеющее значение само по себе, независимо от внешнего ограничения или условия, т.е. как неизменное добро. Только с точки зрения нравственного закона можно определить, в чем заключается истинное благо человека.

Таким образом, основания должного следует искать в воле человека (в ее внутреннем законе); внешнее поведение человека является только результатом этого внутреннего закона воли.

Основные положения чистой этики Канта заключаются в следующих положениях:

только добрая воля является безусловным (без каких-либо ограничений) добром;

нравственно-добрым называется только то действие, которое совершается из чистого сознания долга (без иных мотиваций, например симпатии, жалости, сопереживания и др.);

воля всегда проявляет себя вовне, т.е. обладает материей и подлежит в качестве цели осуществлению. Кроме этого, нравственная воля содержит в себе формальный фактор в виде всеобщей законности (а не какой-либо отдельной материи);

формула категорического императива (безусловного повеления) нравственности основывается на всеобщем формальном характере предписаний;

конечной целью и содержанием нравственного закона является нравственная воля личности. Воля человека определяется нравственным законом. Она подчиняется только своему собственному внутреннему закону, т.е. является автономной¹⁵.

¹⁴ См.: там же. С. 86.

¹⁵ На этом положении основывается достоинство нравственной личности, которое делает личность объектом нравственной воли и запрещает рассматривать ее только как средство, требуя, чтобы она оценивалась всегда только как цель. "Разумное существо было предназначено уже своей собственной природой как цель сама по себе и именно поэтому как законодательствующее в царстве целей, как свободное по отношению ко всем законам природы, повинующееся только тем законам, которые оно само себе дает и на основе которых его максимы могут принадлежать ко всеоб-

В части конкретной этики различаются нравственность индивидуума и нравственность социума.

Человек распоряжается своими силами с целью осуществления нравственной (или не нравственной) цели и обладает волей, которая направляет его поступки. Индивид свободно самоопределяется в выборе своих целей. Однако самосознание и все способности человека развиваются через человеческое общение.

Конечная цель нравственной воли проявляется не в изолированном индивидууме, а в обществе ("царство целей" по Канту), в котором интересы отдельного человека не только не уничтожаются, но, наоборот, только в социальных отношениях личность может себя проявить как нравственный индивид¹⁶; отсюда следует двойное значение нравственности: индивидуальное и социальное.

Общественная деятельность требует определенного регулирования, которое проявляется прежде всего в правовой организации. Социальная организация как форма общественной воли со временем проникается, по мнению Наторпа, нравственными нормами. Одновременно жизнь этой организации предполагает совместный труд членов общества¹⁷.

Труд, воля, нравственный закон – все эти три элемента в неразрывном единстве присутствуют как в индивидуальной, так и в социальной жизни, однако в определенное время в области социальной деятельности может возобладать какой-либо из этих элементов: хозяйственной (экономическая деятельность), управленческой (правовые структуры) и образовательной. Правящая деятельность подчиняет труд установленному общему плану действий, направленных на общую цель. Социальная организация необходима для любой общественной деятельности, однако ярче всего социальное воздействие проявляется в правовых функциях. Исследование таких воздействий – предмет социологии права.

П. Наторп выделяет несколько добродетелей общественной жизни, которые подобны индивидуальным добродетелям. Во-первых, добродетель правды, которая означает господство разума в создании общественного порядка.

щему законодательству (которому оно само так же подчиняется). В самом деле, все имеет только ту ценность, какую определяет закон. Само же законодательство, определяющее всякую ценность, именно поэтому должно обладать достоинством, то есть безусловной, несравнимой ценностью. Единственно подходящее выражение для той оценки, которую разумное существо должно дать этому достоинству, это – слово "уважение". Автономия есть, таким образом, основание достоинства человека" (*Кант И. Основы метафизики нравственности* (Разд. "Автономия воли как высший принцип нравственности") // В кн.: *Кант И. Критика практического разума*. СПб., 2007. С. 96). См. об этом также: *Наторп П.* Указ. соч. С. 87, 88.

¹⁶ "В самом деле, все разумные существа подчинены закону, по которому каждое из них должно обращаться с самим собой и со всеми другими не только как со средством, но также как с целью самой по себе. ...Отсюда возникает систематическая связь разумных существ через общие им объективные законы, то есть царство, которое благодаря тому, что эти законы имеют в виду как раз отношение этих существ друг к другу как целей и средств, может быть названо царством целей" (*Кант И.* Указ. соч. С. 94).

¹⁷ Работа человека подчинена законам техники. С помощью техники господство человеческой воли и, следовательно, нравственности распространяется на основания всего человеческого существования; этим обуславливается возможность конкретной постановки нравственных задач (см. подр.: *Наторп П.* Указ. соч. С. 96).

Во-вторых, добродетель мужества, заключающаяся, с одной стороны, в отстаивании общественной воли против каких-либо общественных притеснений, с другой – само общество должно строго подчиняться требованиям нравственности и стремиться к ее осуществлению (отсюда вытекает требование равного участия всех членов общества во всех социальных функциях).

В-третьих, разумно устроенная организация социальной работы осуществляется с помощью системы управления.

В-четвертых, вся организация общественной жизни, основу которой создают требования нравственного закона, направлена на благо всех членов общества “без исключения и без партийного предпочтения”; каждому предоставляется участие “во всех основных функциях социальной жизни исключительно в меру способности, а не какого-либо внешнего преимущества (класса или состояния)”¹⁸.

¹⁸ Там же. С. 99, 100.

П. Наторп ставил перед собой цель доказать, что все построения теоретического предметного познания (“опыты”) можно соотнести с практическим познанием воли и нравственного закона. И теоретический, и практический разум (Кант) как два рода познания связаны между собой конечной объективной закономерностью и в субъективном сознании личности. Ступени практического сознания идут параллельно ступеням теоретического познания (воля индивида проявляет себя во внешнем мире)¹⁹.

¹⁹ С теоретической точки зрения функция разума проявляется в установлении “регулятивных принципов”, с практической точки зрения она заключается в постановке положительных целей, т.е. функция разума предполагает критическое обсуждение всего материала, доступного человеческому разуму, и упорядочивает материал (классификации, типологии явлений соответственно предметам наук) (см.: там же. С. 116–118).